

ЭММА
РЕЙВЕН

СПАСИ АЛЬФУ
К НЕПРИЯТНОСТЯМ

Эмма Рейвен Спасти Альфу — к неприятностям

<https://litres.ru/74228212>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я сбежала из прошлого, где любовь означала страх, и хотела просто выжить: работа, съёмная комната, тихая жизнь без лишних вопросов. Но одна ночь всё изменила. Я спасла раненого незнакомца и слишком поздно поняла — он не человек.

Теперь вокруг меня мир, о котором я не должна была узнать: оборотни, охотники и стаи, готовые разорвать друг друга.

А самое страшное — то, что его зверь чувствует во мне то, чего не должно существовать. И если правда откроется, за мной начнётся охота.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	56
Глава 12	66
Глава 13	73
Глава 14	81
Г	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Эмма Рейвен Спасти Альфу — к неприятностям

Глава 1

Любовь — это когда вздрагиваешь от каждого громкого звука и зажимаешь ключи между пальцами по дороге домой. По крайней мере, именно этому научил меня бывший.

Я сбежала из той жизни. И теперь всё что у меня осталось — две работы, съёмная комната размером с кладовку, учебник по анатомии. Просто выжить — вот и весь план.

Смена в кафе закончилась двадцать минут назад, а ноги до сих пор гудели. В голове крутился голос начальника — что-то про график пересменки. Перед глазами маячили лица клиентов, которым вечно недоливали сироп в латте.

Ветер ударил в лицо городской сыростью. Я запахнула куртку плотнее и пошла к дому.

Оглянулась через плечо. Пусто.

Свернула в узкий переулок с единственным работающим фонарём на два дома. Рука нырнула в карман, пальцы сомкнулись на телефоне. Вытащила, разблокировала на автомате. Экран пустой.

Уже неплохо.

Я сменила номер. Сменила сам аппарат. Но Марк всегда находил способ. Он искал меня — я это знала. Чувствовала затылком, кожей, каждым шагом по пустой улице. После смерти родителей я осталась одна. Заступить за меня было некому.

У мусорных баков пахло гниющими овощами и дождём. Я ускорила шаг, но звук чужих шагов заставил меня замереть.

Двое. Вынырнули из арки впереди, перекрыли выход. Крупные, в тёмных куртках. Один хрустнул костяшками.

Пульс подскочил к горлу. Я попятилась — спина упёрлась в холодный металл мусорного контейнера. Тупик.

И тут я заметила третьего.

Парень сидел на земле, привалившись к кирпичной стене. Тяжело дышал. Даже сквозь вонь помойки я почуяла медный запах крови. Первая мысль — он с ними. Трое на одну в тёмном переулке. Классика.

Наши взгляды пересеклись. Его глаза в полумраке казались спокойными. Слишком спокойными для человека, которому, похоже, осталось жить пару часов.

— Иди сюда, птичка, — хрипло бросил один из амбалов, шагнув ко мне.

Я вжалась в контейнер. Ноги стали ватными, пальцы впились в ремень сумки.

Парень у стены резко вскинул голову. Ноздри дрогнули. Что-то в его лице изменилось — спокойствие исчезло, а под

ним оказалось совсем другое. Тёмное. Звериное.

Он поднялся. Еле живой, залитый кровью, но двигался так, будто боль его вообще не касалась.

Амбал даже подойти ко мне не успел. Парень оказался между нами в одно движение. Закрыл собой.

Удар. Ещё один. Эхо ударов отразилось от стен проходного двора. Он дрался жестоко и точно. Каждое движение — на поражение.

Второй выхватил нож. Парень перехватил запястье, вывернул — тот взвыл и выронил лезвие.

— Вот гад, — выплюнул один из них, отступая.

Они переглянулись и бросились прочь по переулку. Шаги заглохли во влажном воздухе дворов-колодцев.

Парень покачнулся. Вся звериная точность, с которой он только что раскидал двоих, — исчезла. Колени подогнулись, и он рухнул на бок прямо в лужу у стены.

Я стояла над ним и считала удары собственного сердца.

Уйти. Развернуться, добежать до комнаты, запереться, забыть. Вот что сделал бы любой нормальный человек.

Но я давно перестала быть нормальной.

Я посмотрела на парня, который минуту назад закрыл меня собой. Достала телефон. Пальцы дрожали так, что я дважды промахнулась мимо цифр, прежде чем набрала скорую.

— Только... не скорую, — хрип, больше похожий на скрежет.

Его пальцы сомкнулись на моей щиколотке. Ледяные. Я

невольно дёрнулась, но он держал крепко для полумёртвого. Взгляд упал на его бок. Куртка распорота, края раны темнели.

Отлично. Просто отлично.

Я сбросила вызов, сунула телефон в карман. Три года медицинской академии — до того, как Марк позаботился, чтобы я бросила всё. И вот теперь эти три года пригодятся: зашивать незнакомца, найденного у мусорных баков в переулке с одним фонарём.

— Поднимайся, — я наклонилась, подставила плечо. Он зарычал сквозь зубы, но ухватился. Тяжёлый. Горячий, несмотря на ледяные руки.

Я тащила на себе окровавленного парня по мокрому асфальту, через проходной двор — и ещё понятия не имела, во что ввязалась.

Глава 2

Тащить на себе тяжеленного парня — прекрасный способ закончить смену в кафе.

Мы ввалились в подъезд старого дома. Пахло сыростью и кошками. Бетонные ступени крошились под ногами и тянулись вверх бесконечной лентой. Парень перебирал ногами сам — я только подставляла плечо. Работала костылём. Но сил у меня почти не осталось, ступни горели после целого дня беготни по залу.

Какой же он был горячий! Ходячая печка. Так и хотелось снова выйти на улицу и вдохнуть осенней прохлады.

На втором этаже щёлкнул замок. Дверь приоткрылась на цепочке. В щели блеснули глаза соседки.

Только этого мне и хватало для полного счастья. Местная радиостанция. Завтра весь дом будет знать, что я притащила домой избитого мужика. А может, и в полицию позвонит. А встреча с полицией мне сейчас нужна меньше всего.

Я перехватила парня поудобнее. Растянула губы в улыбке. — Брат перебрал. Ввязался в драку у бара.

Соседка прищурилась. Оглядела нас с ног до головы. Парень глухо застонал. Соседка поджала губы.

— Шляются тут по ночам... Людям спать мешают... — пробурчала она себе под нос и погромче добавила: — Полицию вызову в следующий раз!

Дверь захлопнулась.

Войдя в квартиру, я осторожно провела гостя к себе. Разбудить хозяйку означало оказаться на улице. Без вариантов.

Моя комната — бывшая кладовка. Хорошо хоть с окном. Диван, тумбочка, полтора метра свободного пола. Весь мой мир уместился в несколько квадратов.

Я сгрузила парня на диван. Пружины жалобно взвыли. Провернула ключ в замке. Задвинула щеколду. Металл тихо лязгнул — и стало спокойнее.

Стянула с него куртку. Ткань набухла от крови, липла к пальцам. Бок выглядел скверно. Края раны почернели. Над ними поднимался лёгкий дым.

Замерла с курткой в руках. Мозг прокручивал варианты. Химический ожог? Какая-то дрянь на лезвии? Но разве так вообще бывает?

Я вытащила аптечку из комода. Спирт, игла, нитки, бинты. Моё несостоявшееся медицинское будущее хранилось в потрёпанной коробке. Я бы скорее осталась без еды, чем без неё.

Обработала руки спиртом. Резкий запах ударил в нос. Разложила всё на чистой тряпке.

— Будет больно, — предупредила я.

Парень смотрел на меня. Взгляд — ясный. Слишком ясный для такого состояния.

Я намочила ткань водой и осторожно промыла рану, убирая кровь. Дым медленно рассеивался. Кожа вокруг выгля-

дела обожжённой.

Смочила вату спиртом и аккуратно прошлась по коже вокруг раны.

Из его груди вырвался рык. Ледяные пальцы сомкнулись на моём запястье.

Я подняла взгляд и поймала его глаза.

— Отпусти. И лежи смирно.

Хватка ослабла. Он всё ещё держался.

Я прижала к ране сложенный бинт, усиливая давление, чтобы остановить кровь. Подождала. Кровь шла, но уже не так активно.

Шить или нет?

Глубина неясна. Края странные. Слишком странные.

Риск инфекции. Риск сделать хуже.

Я выдохнула и убрала иглу обратно в коробку.

— Сегодня без геройства, — пробормотала себе под нос.

Наложила плотную повязку, закрепила бинтом, стараясь не давить слишком сильно.

— Ты врач? — прохрипел он.

— Мимо. — Я хмыкнула. — Просто люблю штопать людей по ночам. Хобби такое.

Он беззвучно усмехнулся.

Я выдавила из блистера обезболивающее, поднесла к его губам, дала запить водой. Он проглотил, не задавая вопросов.

Через несколько минут напряжение в его теле начало спа-

дать. Веки опустились. Дыхание выровнялось.

Организм взял своё.

Я выскользнула в коридор. Половица у порога скрипнула — замерла, прислушалась. Тишина. Только храп хозяйки за стеной.

В ванной я прикрыла дверь, придерживав ручку, чтобы не щёлкнул замок. Открыла кран. Я тёрла руки мылом, пока кровь стекала в слив розовой пеной. Забилась под ногти — пришлось вычищать каждый палец отдельно.

Подняла взгляд на зеркало. Тени под глазами, растрёпанные волосы. Кровь на воротнике.

Отличный план, Майя. Сбежать от одного психопата и устроить подпольный госпиталь для другого.

Завтра хозяйка заметит гостя. Придётся врать — сочинять длинную легенду про двоюродного брата из другого города. Впрочем, врать я умею виртуозно.

Я вернулась. Спальное место — одно. Парень занимал его целиком. Я достала тонкий плед, бросила на пол рядом с диваном. Свернула куртку вместо подушки. Легла. Усталость накрыла мгновенно — я провалилась в сон, едва закрыв глаза.

Холодный свет по глазам. Я проснулась от ощущения чужого взгляда. Тело ныло. Шея затекла.

Парень сидел на диване. Помятый, но живой. Казалось, широкие плечи занимали половину пространства моей кровати.

Он сидел слишком ровно для раненого.

— Дай воды, — попросил он хрипло.

Я поднялась. Взяла стакан с тумбочки. Протянула. Дистанция сократилась до вытянутой руки. От него шёл жар. Утренний свет очертил скулы, тяжёлую линию челюсти, тёмные брови. Хищное лицо. Опасное даже в таком состоянии.

Я подала стакан с водой. Сделала шаг назад. Скрестила руки на груди.

Дождалась, когда он закончит, и спросила:

— Кто ты такой?

Глава 3

Парень замер — ноздри дрогнули, и он втянул воздух с шумом, приплюхиваясь. Радужка утонула в черноте. Мышцы на шее вздулись, челюсть окаменела.

Тело сработало на опережение — шаг назад, спина упёрлась в край комода. Мужская агрессия всегда выглядит одинаково. Сейчас бросится.

Пальцы нащупали край деревянной полки.

Парень зажмурился. Сквозь стиснутые зубы вырвался рваный выдох, он опустил голову и дышал — часто, глубоко. Когда посмотрел снова, глаза приобрели нормальный оттенок. Тень ярости исчезла, и на продавленном диване сидел просто избитый парень.

На эту метаморфозу он потратил колоссальное усилие. Я видела, чего ему это стоило.

— Лео, — хрипло произнёс он.

Я приподняла бровь.

— Просто Лео? Без фамилии, прописки и паспорта? Откуда взялся?

Он потёр переносицу здоровой рукой.

— Просто Лео. Работаю на стройке. В соседнем районе.

Я опустила взгляд на его ладони.

— На стройке. Угу.

Крупные кисти, длинные пальцы — но кожа слишком чи-

стая. Ни въевшейся цементной пыли, ни сорванных мозолей. Руки, которые не знали ни шпателя, ни перфоратора.

— А те двое с ножами? Проблемы с заказчиками? Сдали объект не в срок?

Лео отвёл взгляд к окну.

— Я их не знаю.

— Тогда кто тебя так?

— Карточный долг.

Я хмыкнула.

Врал он бездарно. Мой бывший выстраивал многоуровневые схемы обмана. Марк лгал с удовольствием. Виртуозно. А этот лепил первую попавшуюся отмазку и делал это как попало.

Я оставила допрос. Истекающий кровью лжец пока представлял минимальную угрозу — а вот раны следовало осмотреть.

Я потянулась к подолу его футболки, и Лео перехватил мою руку. Быстро — для человека, который совсем недавно не мог стоять на ногах. Хватка была железной, взгляд — предупреждающим.

— Мне нужно посмотреть, — спокойно сказала я. — Возможно, тебе понадобятся швы.

Несколько секунд он не двигался. Потом пальцы разжались.

Я задрала его футболку и замерла.

Порез на рёбрах, который ночью сочился кровью, уже за-

тянулся розовой блестящей плёнкой. Края стянулись ровно, без воспаления — так не бывает.

Я осторожно тронула кожу рядом, и Лео дёрнулся, но не отстранился.

Я подняла на него глаза. Он смотрел в стену.

— Ты быстро заживаешь, — сказала я.

Лео не ответил.

Я проверила остальное — ссадины на костяшках, рассечение над бровью. Всё то же самое: раны, которым полагалось быть свежими, выглядели так, словно заживали уже несколько дней. Я молча опустила край футболки.

— Мне бы в ванную, — хрипло сказал он.

Я мельком глянула в сторону коридора. Какой сегодня день? Пятница. Значит, Нинель Петровна уехала к сестре до воскресенья — а значит, я получила отсрочку. Повезло.

Лео попытался встать. Пружины дивана скрипнули, ладонь упёрлась в стену, колени подогнулись — и он начал заваливаться набок.

Я шагнула вперёд раньше, чем успела подумать. Подхватила под здоровую руку, подставила плечо — и жар окатил мгновенно. Тяжёлый. Как же я его вчера дотащила?

Он выдохнул с шумом и опалил дыханием мой висок. Волоски на затылке встали дыбом. Дистанция сократилась до нуля. Мне следовало отстраниться. Близость крупного мужчины всегда запускала во мне панику. Мозг кричал об опасности. Тело замерло. Я стояла, удерживая его вес, и поче-

му-то оставалась на месте.

Лео дышал тяжело. Я чувствовала биение его сердца сквозь тонкую ткань футболки. Ритм — слишком частый. Он справлялся с болью молча. Здоровенный парень вынужденно опирался на мои пятьдесят килограммов.

— Ванная прямо по коридору, — сообщила я ровным голосом.

В горле пересохло.

— Я дойду.

Он медленно отстранился. Убрал руку с моего плеча. Опёрся о стену и поплёлся к выходу.

Я выдохнула и быстро переоделась. Достала чистую водолазку, джинсы. Закинула в рюкзак форму для второй работы.

Лео вернулся через пять минут. Бледный. Привалился плечом к дверному косяку. Его взгляд скользнул по комнате. Продавленный диван. Облупившаяся краска на подоконнике. Мои кроссовки с отклеенным носком у выхода.

Затем он посмотрел на тумбочку. Потрёпанный учебник анатомии.

Глаза сузились. Взгляд стал осмысленным.

— Слушай меня внимательно, Лео со стройки. — Он повернул голову. — У меня вторая смена. У тебя — один день. Отлёживайся.

Лео молча смотрел на меня.

— Правила простые. К окну подходить запрещено. Дверь никому не открывать. Свет не включать. Если вдруг слу-

чайно вернётся хозяйка — ты мой двоюродный брат. Приехал поступать в универ. Пропадут вещи — вызову полицию. Уяснил?

Он кивнул. Один короткий жест. Для парня с улицы он держался слишком уверенно.

— Обезболивающее на столе, — бросила я.

Вышла в коридор. Захлопнула дверь. Дважды повернула ключ в замке.

Крошащиеся ступени. Улица. Осеннее утро дышало холодом. Я вдохнула сырой воздух.

Оставила в своей комнате огромного незнакомца — абсолютное безумие. Здравый смысл требовал позвонить в полицию ещё ночью, и я это прекрасно понимала.

Но пугало другое. Рядом с этим человеком — избитым, окровавленным, насквозь лживым — я впервые за долгое время почувствовала себя в безопасности. Какой бред.

Я сделала шаг за пределы двора — и остановилась.

Из-за угла выкатился чёрный внедорожник. Двигался плавно, почти бесшумно, как хищник, которому некуда торопиться. Тонированные стёкла скрывали салон, бампер блестел чистотой, а на месте номеров зияла пустота. Внедорожник притормозил ровно напротив арки моего дома.

Пальцы впились в лямку рюкзака. Я опустила голову и поспешила к автобусной остановке — ровный шаг, прямая спина, ничего необычного. Иллюзия безопасности, которую я так бережно выстроила, рассыпалась в одну секунду.

Через час добралась до клиники. Вторая работа — сортировка карточек в регистратуре и уборка кабинетов. Я зашла в тесную подсобку, стянула куртку.

На подоконнике бубнило старое радио — и зачем только его включают, если никто никогда не слушает?

Диктор зачитывал утреннюю сводку монотонным голосом — из тех, что превращают любую трагедию в белый шум.

— ...сегодня на рассвете в Почтовом переулке неподалёку от бара «Слепой кот», прямо у жилых домов, патруль обнаружил тела двоих мужчин. Личности погибших устанавливаются. Полиция отказывается комментировать характер травм, однако источники в органах сообщают о множественных разрывах тканей. Нападавший буквально растерзал жертв...

Руки замерли на пуговицах халата.

Растерзал.

Двое мужчин. Переулок. Я медленно застегнула халат до конца и уставилась на радио. Не те ли это придурки, что пристали ко мне вчера? И кто мог такое сделать?

Глава 4

Я вернулась домой.

Ленты не было. Полицейских машин тоже. Уже хорошо.

Утренний выпуск новостей крутился в голове заевшей пластинкой.

Поднялась на этаж. Открыла дверь и на секунду зажмурилась.

Вдохнула и открыла глаза.

Лео сидел на диване.

Живой. Спокойный. Пугающе здоровый.

Бледность исчезла.

Повернул голову в мою сторону. Рубашка была расстёгнута. Сквозь разрез виднелась кожа, и я моргнула. Порез затянулся блестящим розовым рубцом.

Ему понадобились сутки.

Учебник анатомии в моём рюкзаке мог отправляться на помойку, туда, где ночью я нашла Лео. Кажется, законы биологии в моей квартире больше не действовали.

Лео встал. В руке — моя любимая кружка, над ней — пар. И тут накрыло: бергамот. Вся комната пропахла бергамотом.

Взгляд метнулся к тумбочке. Жестяная банка с моим дорогим чаем — на самом виду. Я прятала её за учебниками, подальше от хозяйки, которая любила шарить по комнате в моё отсутствие.

— Чувствуй себя как дома, — процедила я, растянув губы в улыбке.

Бросила рюкзак на пол.

Лео сделал глоток.

— Нашёл заварку. — Он кивнул на полку. — Несло на всю комнату.

Я глянула на стеклянную дверцу — ровную. Не покосившуюся, как раньше. Рядом лежала отвёртка.

— Я просила ничего не трогать.

— Она скрипела.

— И что?

— Могла бы сказать спасибо.

— Ты тоже.

Шагнула забрать кружку. Восемь квадратов: кровать, стол, диван — и он. Маневрировать негде.

Мы оказались слишком близко.

Я запрокинула голову. Жар — как от печки. Лео шумно втянул воздух, ноздри дрогнули.

Радужка потемнела — медленно, от краёв к центру. Пальцы побелели на ручке кружки. На шее вздулась вена.

— Ты боишься. — сказал он.

— Я работаю по шестнадцать часов в сутки. — Скрестила руки. — Боюсь только невыспаться. Отдай кружку.

Воздуха не хватало. Дышать приходилось мелко, часто.

Лео медленно поставил кружку на тумбу. Убрал руку. Полшага назад.

— Мне нужно укрытие. На пару недель.

Я взялась за кружку.

— Гостиницы в другом районе.

— Меня ищут.

— Много кого ищут.

Знал бы он, что меня тоже.

И тут я вспомнила. Чёрный внедорожник. Гладкий капот. Тонированные стёкла. Без номеров. Стоял у арки сегодня утром.

Может, это за ним?

Вот же на мою голову!

— Хочешь остаться здесь, чтобы и мне досталось?

— Нет.

Здравый смысл праздновал победу. Лео уйдёт. Моя жизнь вернётся в привычную колею: работа, учебники, сон урывками, квартира с ровной дверцей шкафа и запахом бергамота.

— В этом доме есть подвал? — спросил Лео.

— Цокольный этаж. Там сухо и есть выход во внутренний двор. Но...

Я осеклась. Лучше бы он совсем ушёл. Чем дальше — тем лучше.

— Ключи?

— У управдома. Михаила Игнатьевича. — Отпила из кружки. Чай был идеально заварен. — Редкий гад. Сдаёт пустующие помещения нелегалам втридорога.

— Я поговорю с ним.

Фыркнула.

— Он сдерёт с тебя три шкуры. Михаил Игнатьевич питается заезжими работягами на завтрак. Без аванса даже рта не откроет.

— Завтра утром подвал будет моим.

Для парня со стройки — слишком смело.

Пожала плечами. Не моё дело.

— Удачи, Лео со стройки. — Допила чай. — Она тебе понадобится.

Он молчал. Только смотрел — так, что хотелось одновременно убежать и остаться.

Взяла полотенце, вышла в коридор. Закрыла дверь. Прислонилась спиной.

Руки дрожали.

Глава 5

Мои скудные запасы еды этого парня не переживут.

Я стояла в коридоре, прижавшись спиной к закрытой двери, и сжимала влажное полотенце. Страх прошёл. Осталось то, что всегда остаётся, — арифметика. Калькулятор выживания в голове щёлкал быстрее кассового аппарата. На полке лежала половина пачки дешёвых макарон. В холодильнике — три яйца. На столе — горбушка вчерашнего батона, подсыхая до состояния строительного материала. Я планировала растянуть это богатство до пятницы. Но есть одной и не делиться — не смогла бы.

Лео уничтожит мой бюджет за один присест. Ещё и хозяйка скоро должна вернуться.

Я вздохнула.

Он должен уйти, как только встанет на ноги.

Я отправилась в ванную и ополоснула лицо ледяной водой. Растёрла щёки ладонями, пока кожа не начала гореть. Вернулась в комнату.

Лео сидел на продавленном диване. Тёмные пятна на распоротой куртке засохли жёсткой коркой. В моей чистой, крохотной комнате он смотрелся инородно. Как волк, которого случайно заперли в кукольном домике. Я подошла к комоду, выдвинула нижний ящик. Рылась на самом дне и вытащила старые тренировочные штаны и полинялую серую футболку.

Брала в секонд-хенде два месяца назад, чтобы спать в просторной одежде.

Я бросила скомканные вещи ему на колени.

— Твоя куртка похожа на реквизит из фильма ужасов. — Я кивнула в сторону двери. — Ванная прямо по коридору. Постарайся ничего не разгромить.

Лео посмотрел на одежду. Поднял взгляд. В глубине его глаз мелькнуло что-то тяжёлое. Он молча взял вещи и вышел.

За стеной утробно урчали старые трубы. Вода с шумом ударяла в чугунную ванну. Вибрация расплзалась по стенам, по полу, по моим босым ступням. Я села на диван. Смотрела на облупившуюся штукатурку под потолком. Пять минут. Десять. Пятнадцать.

Нинель Петровна вычтет каждый кубометр горячей воды из моего депозита. С точностью до копейки и с удовольствием палача.

Шум стих. В коридоре заскрипели половицы.

Лео вошёл в комнату — и воздух будто сгустился. Волосы блестели от влаги, тёмные пряди падали на лоб. От него пахло дешёвым земляничным мылом хозяйки. Плоская химическая сладость мешалась с чем-то его собственным — терпким, тёплым, бергамотовым.

Я сглотнула.

Серая футболка натянулась на его плечах так, что, казалось, вот-вот треснет. Ткань обхватывала грудь. Тренировоч-

ные штаны едва доставали до щиколоток, обнажая литые икры.

В другой ситуации это выглядело бы комично. Здоровенный парень в одежде на несколько размеров меньше. Ходячая реклама секонд-хенда с плохим ассортиментом.

Мне почему-то совсем не было смешно.

Одежда только подчёркивала его габариты. Хищник в тесной клетке. От него шёл ощутимый жар, и я машинально отступила на шаг, упираясь бедром в край стола. Восемь квадратных метров сжались до размеров обувной коробки. Деваться было некуда.

— Пойдём на кухню, — бросила я, не глядя на него. — Чайник закипел.

Я не стала ждать ответа. Вышла первой, и коридор наконец позволил вдохнуть.

Но кухня — не лучше комнаты: тесная, с низким потолком. Но хотя бы стол между нами. Я достала кастрюлю. Сварила макароны. Разбила на сковороду все три яйца — последние три яйца в этом доме. Пар поднимался над плиткой, оседал на стекле мутной плёнкой.

Я достала две разномастные тарелки. Себе положила пару ложек гарнира. Остальное сгрузила Лео. Щедрость была вынужденной — у меня на руках раненый с метаболизмом.

Он сел за стол. Стул жалобно скрипнул под его весом. Я пристроилась на краю дивана с кружкой чая.

Лео взял вилку. Съел порцию за секунды. Посмотрел в

пустую тарелку. Я поймала голодный взгляд.

Тихо выдохнула. Встала, подошла к столу, переложила половину своей сиротливой порции в его тарелку.

Лео перехватил мою руку. Пальцы сомкнулись на запястье. Кожу обожгло, и я вздрогнула.

Он нахмурился. Посмотрел на мои остатки еды. На лицо. Желваки перекатались под скулами.

Отпустил. Резко встал, подошёл к брошенным на пол окровавленным джинсам. Достал из заднего кармана несколько сложенных купюр.

Положил все на клеёнку передо мной.

Пятитысячные. Новые, хрустящие. Не меньше пятидесяти тысяч.

Я посмотрела на деньги. Подняла бровь.

— Щедрые нынче авансы на стройках. — Сложила руки на груди. — Вы там элитные комплексы из чистого золота возводите?

Лео пропустил сарказм мимо ушей. Смотрел сверху вниз.

— Купи нормальной еды, — сказал он тоном человека, привыкшего к тому, что его слушают с первого раза.

Ну что с ним делать?

Я сгребла купюры. Сунула в задний карман джинсов. Полезла в угол за кроссовками. Правая подошва давно отклеилась — пришлось натягивать медленно, придерживая резину пальцами. Обувь нищего супергероя.

Я закинула рюкзак на плечо.

— Сдачу принесу, — бросила уже из дверного проёма.

Улица встретила промозглым ветром. Я запахнула куртку плотнее. Добежала до супермаркета на соседней улице. Кусок говядины. Упаковка гречки. Свежий хлеб. Лук, морковь, картошка. В аптеке — бинты и антисептик.

Возвращалась быстрым шагом. Осень дышала в спину холодом. Тяжёлый пакет резал пальцы. Я оглянулась через плечо — привычка, которая появилась после переезда в этот район. На улице — пусто. Фонари мигали жёлтым.

Зашла в подъезд. Привычный запах сырости и старой пыли. Поднялась по бетонным ступеням на пролёт между первым и вторым этажами. Остановилась перехватить пакет поудобнее.

Взгляд скользнул в мутное окно, выходящее во двор.

Рука с пакетом замерла.

Во двор медленно вползал чёрный внедорожник. Тонированные стёкла, литые диски. Машина, которая стояла больше, чем весь этот дом вместе с его обитателями. Я знала эту машину. Видела вчера.

Пульс подскочил. Пальцы стиснули ручки пакета.

Спокойно. Может быть, совпадение. Район большой. Мало ли чёрных внедорожников в городе.

Внедорожник остановился посреди двора. Мотор не глох. Никто не выходил. Машина стояла и ждала.

Совпадений я не любила.

Поднялась по лестнице. Нельзя было топать, нельзя гре-

мать — звуки в этом подъезде разносились до самой крыши. Влетела в квартиру. Закрыла дверь. Повернула ключ дважды, стараясь не лязгнуть замком. Пакет соскользнул с пальцев, картошка с глухим стуком покатилась по линолеуму.

Лео уже стоял в коридоре.

Он изменился. Футболка обтягивала напрягшиеся мышцы. Ноздри раздувались — он втягивал воздух короткими, частыми вдохами. Зрачки расширились, затопив радужку чернотой.

Я тяжело дышала, прижавшись лопатками к двери.

Лео шагнул ко мне. Оказался вплотную. Жар его тела накрыл меня целиком.

— Чёрный внедорожник во дворе, — сказала я. — Не тебя ли ищут?

Он посмотрел поверх моей головы. На дверь. Сквозь дверь.

— Нам нужен подвал, — произнёс он низким голосом. — Веди меня к своему Михаилу Игнатьевичу.

Я выдохнула сквозь зубы.

— Замечательно. Коллеги со стройки, наверное?

Лео склонил голову. Его глаза блестели в полумраке коридора. Горячие пальцы легли мне на плечо — и сдвинули в сторону от двери.

— Мы не можем идти через улицу, — сказал он. — Есть другой путь?

За окном хлопнула автомобильная дверца.

Глава 6

Шаги внизу. Подъездная дверь скрипнула.

Короткий рывок — и я оказалась в тёмном коридоре, по-
дальше от окна и хлипкого дерева входной двери. Спина впе-
чаталась в стену. Лео встал вплотную, заслонил меня собой
и накрыл мне рот ладонью.

Я рефлекторно дёрнулась. Мужское тело, прижимающее
к стене. Моё — помнило, чем это заканчивалось.

Лео заметил. Чуть отодвинулся, но остался на месте.

— Окно в комнате, — прошептала я, как только он осла-
бил хватку. — Прыгай и уходи.

— Нет.

— Они ищут тебя, а не меня. Вылезай в окно и...

— Ты была рядом со мной. — Лео повернул голову. — На
тебе мой запах.

— Что за бред?

С каких пор люди ходят по улицам и нюхают друг друга. Я
открыла рот, чтобы спросить, но Лео прижал палец к моим
губам.

Шаги на лестнице.

То вверх, то вниз.

Я зажмурилась.

Ботинки прошаркали мимо нашей площадки. Звякнули
ключи. Кто-то ковырялся в замке, ругаясь сквозь зубы. Со-

сед-алкоголик. Ночная смена. Я узнала его по манере материться шёпотом — с уважением к спящим и полным презрением к дверным замкам.

Выдохнула. Лео убрал палец.

Вытерла губы тыльной стороной ладони.

— В следующий раз предупреждай, прежде чем затыкать мне рот.

— В следующий раз молчи сама.

Пару секунд мы смотрели друг на друга. Я первая отвела взгляд и осторожно приблизилась к окну. Внедорожник по-прежнему стоял во дворе. Чёрная туша с тонированными стёклами.

Лео поправил серую футболку.

— Мне нужны ключи от подвала.

— Пятый этаж, квартира двадцать. — Я потёрла запястье.

— Жди здесь. Запри дверь.

Он шагнул к выходу.

— Лео.

Обернулся на пороге.

— Он тебе откажет.

— Увидим.

Дверь закрылась. Я дважды повернула замок. Пошла на кухню. Вытащила из подставки самый длинный нож и встала с ним посреди маленькой кухни, как героиня из фильма ужасов, которая точно умрёт первой.

Рукоять скользила во влажной ладони. Я перехватила

крепче.

Минута. Две. Три.

На четвёртой замок щёлкнул. Я подняла нож.

Лео вошёл в коридор. На указательном пальце покачивалась связка ржавых ключей с бирками. От подвала.

Когда он успел взять мой ключ от квартиры?

Я опустила нож.

— Он... отдал?

— Мы договорились.

— Михаил Игнатьевич? Договорился? Он однажды вызвал участкового, потому что соседка сушила бельё не по графику.

Лео положил ключи на тумбочку. Сел, развязал ботинок, поправил шнурок, завязал обратно. Ни слова.

Я смотрела на его руки. Костяшки не сбиты. Управдом, судя по всему, цел.

Но время шло, а Лео не двигался.

Он сидел, привалившись к стене, и разглядывал потолок так, будто это его коридор, а меня тут и вовсе нет.

Я ждала — может, скажет «всё, ухожу». Или встанет и уйдёт молча, как пришёл.

Терпение лопнуло.

— Так что, — я скрестила руки, — ты уходишь?

Глава 7

Лео даже не пошевелился. Только скосил глаза в мою сторону.

— Хочешь, чтобы я привёл их прямо к твоей двери?

Я прикусила язык. Есть вещи, которые лучше не спрашивать. Особенно когда во дворе стоит чёрный внедорожник.

Лео больше ничего не сказал. Я — тоже. Повисла тишина, из тех, что не разрядишь ни словом, ни вздохом.

Руки требовали дела.

Да и есть хотелось.

Я вытащила разделочную доску. Бросила на неё кусок говядины. Почистила картошку. Нарезала лук. Достала гречку. Руки двигались сами — единственное, что я умела делать на автомате и без ошибок.

Лео сидел за кухонным столом. Он занимал слишком много пространства для этой кухни. Его колени упирались в дверцу нижнего шкафчика. Локоть почти касался холодильника. Он был похож на взрослого, усаженного за детский стол.

Я резала лук. Он следил.

Краем глаза — окно. Машина никуда не делась.

Чистила морковь. Он следил. Помешивала суп — он следил. Взгляд ощутимый, как прикосновение. Кожа на затылке покрылась мурашками.

С улицы не доносилось ни звука. Слишком тихо.

— Хватит пялиться.

— Я не пялюсь.

— А что ты делаешь?

Пауза.

— Смотрю.

Разница ускользала от меня, но я не спорила. Вода закипела. Кухня наполнилась паром. Суп без мяса. Еда людей, которые не задумывались о кулинарных изысках, потому что были заняты выживанием.

Налила суп в глубокую тарелку. Поставила перед Лео. Себе — в маленькую пиалу. Нарезала хлеб. Два ломтя. Корка хрустнула под ножом.

Лео взял ложку. Зачерпнул. Поднёс ко рту.

Ел молча. Сосредоточенно. Думал о чём-то.

Тарелка опустела за три минуты.

— Вкусно. А мясо есть?

— Картошка и крупа. — Я пожала плечами. — Ничего больше.

Он отодвинул тарелку. Вздрогнула — получилось громко. Сжала край столешницы — привычка, от которой никак не избавиться. Белые костяшки, вцепившиеся в твёрдую поверхность. Якорь.

— Почему ты так реагируешь?

Я подняла глаза.

— Район плохой.

— Район как район.

— Значит, я нервная.

Лео ждал. Сверлил меня глазами — спокойно, не мигая, как человек, у которого времени больше, чем у всех остальных вместе взятых. И этот взгляд каким-то образом на меня влиял. Просто создавал пустоту, в которую хотелось что-нибудь бросить — хотя бы слово.

— Бывший парень. — Я собрала крошки со стола в ладонь. Ссыпала в тарелку. — Он плохо воспринял расставание.

Всё. Достаточно. Хватит.

Лео молчал.

Я была благодарна ему за это. Настолько, что чуть не сказала спасибо. Поймала себя — с чего бы. Он посторонний. Парень со стройки, который спал на моём диване, потому что за ним гнались люди, от которых он прятался в подвалах чужих домов, и кто знает где ещё.

Моя жизнь — безупречный план.

— Я сменила город, — добавила я. Зачем — сама не знала. — Бросила учёбу. Теперь варю суп человеку, у которого проблемы серьёзнее моих. Блестящая карьерная стратегия.

Усмешка вышла кривой. Я подняла глаза.

Лицо Лео было абсолютно спокойным. Ни одна мышца не шевельнулась. Его взгляд упирался в стену за моим плечом, будто он видел там что-то, чего я не видела.

Мой взгляд опустился на стол.

Лео держал ложку. Толстый металл, советская нержавейка, которой можно вскрыть консервную банку.

Ложка была согнута пополам. Его пальцы вмяли сталь, как пластилин. Без усилия. Без звука.

Я моргнула.

Лео разжал руку. Посмотрел на изуродованный металл. На секунду — на одну секунду — на его лице мелькнуло что-то похожее на досаду. Положил ложку на стол.

Обычные парни со стройки не гнули столовые приборы одной рукой.

Я молчала. Он молчал. Между нами — пустая тарелка и слишком много вопросов.

— Тебе нужно спать, — сказал Лео.

— А тебе?

— А мне — подвал. Нужно всё проверить.

И дался ему этот подвал. Что могло так сильно его заинтересовать?

Он поднялся и взял ключи с тумбочки. В дверях остановился.

— Суп вкусный.

— Спасибо.

— Мне давно никто не готовил.

Дверь закрылась. Я повернула замок. Легла на продавленный матрас. Закрыла глаза.

Не смогла уснуть.

Встала. Подошла к окну. Осторожно отодвинула штору.

Лео был внизу. Вышел через цоколь на улицу. Двигался бесшумно — вдоль стены, в тени. Остановился под аркой. Замер. Повернул голову.

Втянул воздух — я видела, как дёрнулась его грудная клетка. Как напряглись плечи. Как сместился весь корпус — вперёд, на долю секунды, готовность к рывку.

Потом он сделал странную вещь.

Поднял голову и посмотрел прямо на моё окно. Сквозь темноту. Сквозь штору. Сквозь щель в два пальца.

Он знал, что я смотрела.

Я отступила от окна. Сердце колотилось.

Он не мог меня видеть. Не мог. В такой темноте.

Вернулась в кровать. Натянула одеяло до подбородка. Лежала, глядя в потолок.

Обычный парень со стройки.

Который чуял запахи, гнул металл и видел в темноте.

Я закрыла глаза. И поняла, что боюсь его. Но не так, как боялась Марка.

Совсем иначе.

Глава 8

Марк нашёл меня.

Стоял в дверях — чёрный силуэт на фоне коридорного света. Улыбался. Той самой улыбкой, от которой соседи говорили: «Какой приятный молодой человек». Я пятилась. Спина упёрлась в стену. Стена была мягкой — продавливалась, втягивала меня в себя, как болото. Я открыла рот, но из горла вырвался только сип. Воздух закончился. Лёгкие сжались в кулак.

Марк шагнул ближе.

Я дёрнулась — и проснулась.

Темнота. Потолок. Собственное дыхание — рваное, частое, как у загнанной собаки.

Я села на кровати. Прижала ладони к лицу. Пальцы тряслись. Футболка прилипла к спине. Во рту — вкус железа: прикусила щёку во сне.

Просто сон. Просто сон. Просто...

Стул скрипнул в углу.

Я вскинула голову.

Лео сидел у стены. В темноте я видела только контур — массивные плечи, согнутые колени, неподвижная голова. Он сидел на стуле из кухни, который притащил сюда, пока я спала.

— Какого чёрта ты здесь делаешь?

Голос сорвался. Вышло жалко.

— Ты кричала.

— Я не кричала.

— Ты кричала, — повторил он. Тихо.

Я потёрла лицо. Щёки горели. Сердце колотилось так, что отдавало в виски.

— Ты ушёл в подвал.

— Ушёл.

— И слышал?

Пауза. Лео чуть повернул голову. В темноте блеснули глаза — на секунду, как у кошки в свете фар.

— У тебя сбился пульс. Потом — крик.

Пульс. Он слышал мой пульс. Из подвала. Смешно.

Нормально. Абсолютно нормально.

— Дверь была закрыта на замок.

— И?..

Молчание. Я перевела взгляд на дверь. Я точно поворачивала ключ.

— Как ты вошёл?

— Замки — необязательное препятствие.

Отлично. Парень со стройки, который слышит пульс через бетон, гнёт ложки и вскрывает замки. Полный набор качеств для соседа мечты.

Я обхватила колени руками. Дрожь не унималась. Тело помнило сон лучше, чем голова: мягкая стена, запах одеколона, улыбка.

— Кошмар, — сказала я. Зачем-то. — Бывает.

Лео молчал.

Он сидел в углу — огромный, тихий, неподвижный. Как сторожевая собака. Как каменная стена между мной и всем остальным.

Прошла минута. Две. Сердце замедлилось. Дыхание выравнилось. Я разжала пальцы и выдохнула.

— Можешь идти, — сказала я. — Всё нормально.

— Могу.

Он остался.

Лео поднялся. Он подошёл — два шага, больше не требовалось в этой комнатухе — и сел на край дивана, который тут же просел под его весом. Я съехала в его сторону на десять сантиметров и упёрлась коленом в его бедро.

Горячий. Как батарея в январе.

— У тебя температура?

— Нет.

— Ты горячий.

Пауза. Я поняла, как это прозвучало, и порадовалась темноте.

— Это нормально. Для меня.

Я промолчала. Он — тоже.

Лео пах бергамотом. И я то и дело втягивала воздух ноздрями.

— Он тебя бил?

Я вздрогнула. Помедлила.

— Один раз.

— Один раз — достаточно.

Что-то в его голосе изменилось. Тон остался прежним — низким, спокойным. Но под ним... Я покосилась на его руки. Лежали на коленях — расслабленные, раскрытые ладонями вверх.

Только жилка на шее билась слишком быстро.

— Я уехала, — сказала я. — Этого хватило.

— Хватило?

— Для начала.

Он кивнул.

Потом сделал вещь, которой я от него ждала меньше всего.

Положил ладонь мне на плечо.

Ладонь была широкой. Пальцы накрыли плечо целиком — от ключицы до края футболки. Тепло прошло через ткань мгновенно. Я ощутила его всей кожей, до позвоночника.

Те же руки, что согнули ложку.

Те же руки — и такая осторожность, будто я из сделана стекла.

Я замерла.

Лео тоже не двигался. А потом его едва ощутимо пальцы коснулись шеи. Мурашки прошли по коже, как электрический разряд.

— Спи, — сказал он.

— А ты?

— Я здесь.

Я натянула одеяло. Лео пересел на стул. Я слышала, как скрипнули ножки по линолеуму.

Закрыла глаза.

Тепло от его прикосновения ещё держалось на плече.

Впервые за долгое время я чувствовала себя в безопасности.

Утро пришло серым, блёклым. Пахло дождём.

Я открыла глаза. Стул в углу — пустой. На сиденье — сложенный полотенце. Зачем — непонятно. Может, подкладывал под спину.

Лео ушёл. Но в воздухе ещё держался бергамот.

Я потянулась. Тело ныло, будто я всю ночь таскала мешки, а не спала. Зато голова — впервые за долгое время — была ясной.

Восемь месяцев кошмаров — и одна ночь без единого.

Я встала. Умылась. Почистила зубы. Налила воду в чайник. Обычные движения. Простая, понятная рутина. Якорь.

На кухонном столе лежала ложка. Та, что он согнул пополам. Я покрутила её. Холодная. Тяжёлая. Не всякие плоскогубцы возьмут.

Убрала в ящик. Подальше от глаз, но выбрасывать не стала. Не знаю почему.

Чай. Хлеб. Масло, у которого через два дня срок годности.

Сахар закончился. В холодильнике — пустота. Нужно в

магазин. Или на работу. Или и то, и другое.

Я натянула джинсы. Куртку. Кроссовки. Вышла на лестничную клетку. Замок за спиной щёлкнул. Из подвала — тишина. Ни шагов, ни шорохов. Лео как будто растворился.

На улице — прохладно. Двор — пустой, если не считать бабушку с тележкой у мусорных баков и рыжего кота на капоте «Лады».

Чёрного внедорожника не было.

Я выдохнула. Плечи расслабились. Оказывается, я их поджимала — всю дорогу от двери до арки.

Магазин — через два квартала. Я шла быстро. Купила сахар, молоко, пачку макарон, куриные бёдра. Пакет приятно оттягивал руку. Нормальная покупка нормального человека с нормальной жизнью.

На обратном пути я даже поймала себя на том, что напеваю под нос. Какую-то ерунду из радио, которое играло в магазине.

Свернула во двор.

И перестала дышать.

Чёрный внедорожник стоял прямо у подъезда. Мотор работал.

Пакет с продуктами вдруг стал весить тонну. Ноги вросли в асфальт.

Беги.

Дверь внедорожника открылась.

Сначала — ботинок. Чёрный, чистый, с тупым квадрат-

ным носом. Я узнала бы их из тысячи.

Потом — рука. Пальцы обхватили верхний край двери. Широкая ладонь. Перстень на безымянном — серебряный, с плоской печаткой.

Потом — он.

Марк вышел из машины.

И улыбнулся.

Глава 9

Пакет выскользнул из рук и ударился об асфальт.

Марк закрыл дверь внедорожника. Поправил рукав пальто. Улыбнулся.

Та самая улыбка. Мягкая, обаятельная — та, которой он очаровывал моих друзей, соседей, преподавателей. «Какой приятный молодой человек». Та, от которой у меня сводило челюсть.

— Майя. — Он произнёс моё имя так, будто смаковал. — Ты похудела.

Шаг. Ещё один. Он двигался плавно, руки в карманах. Расстояние между нами сокращалось, и я заставила себя разжать кулаки.

Беги. Подъезд в десяти метрах. Дверь, лестница, замок. Но ноги отказывались двигаться.

— Не рада? — Марк склонил голову. — Я проделал длинный путь. Могла бы хоть поздороваться.

Голос — бархатный. Участливый. Голос человека, который искренне переживает. Прохожие видели красивого мужчину в дорогом пальто и девушку с рассыпанными продуктами. Милая сцена. Ничего тревожного.

Марк остановился в полуметре. Я почувствовала его одеколон — тяжёлый, сладкий. Желудок сжался.

— Ты выглядишь уставшей. — Он протянул руку и по-

правил воротник моей куртки. Пальцы задержались на ткани. — Я беспокоюсь о тебе.

Кожа под курткой покрылась мурашками. Я отшатнулась, но Марк мягко перехватил меня за рукав.

— Тише. — Улыбка стала шире. — Люди смотрят.

Я сглотнула. Язык прилип к нёбу. Месяцы бегства, три города — и вот он стоит передо мной, поправляет мне куртку и пахнет тем же одеколоном.

— Отпусти.

— Я просто поправил воротник. — Он развёл руками. Жест открытости и невинности. — Зачем ты сбежала, Майя? Мы даже не поговорили.

Я поёжилась. Старый механизм, который я считала сломанным. Голос Марка попадал точно в паз — и защёлка срабатывала, превращая меня в ту, прежнюю. Тихую. Послушную. Виноватую.

Я стиснула зубы.

— Говорить не о чем.

— Я так не думаю. — Марк шагнул ближе. Между нами осталась ладонь воздуха. — Ты ушла без объяснений. Бросила учёбу. Переехала в эту дыру. — Его взгляд скользнул по фасаду дома. — Кто бы мог подумать... Живёшь в каморке. Работаешь кем придётся. И это, по-твоему, нормально?

Каждое слово — точечный удар. Он знал адрес. Знал про работу. Знал про каморку. Сколько он за мной наблюдал?

— Я хочу тебе помочь, — сказал Марк. — Просто пого-

ворим. Сядем в машину, обсудим всё спокойно.

Сесть в машину. Конечно. Спокойно обсудить. За тонированными стёклами. Без свидетелей.

Я открыла рот — и воздух изменился. Стал плотнее. Горячее. Волоски на руках встали дыбом.

Лео возник из арки. Бесшумно, как тень.

Встал рядом со мной. Чуть впереди, чуть левее. Плечо закрыло обзор. Жар от его тела окатил меня волной — такой, что я на секунду перестала чувствовать холод.

Марк замер. Улыбка осталась на месте, но глаза изменились. Стали цепкими. Оценивающими.

— А. — Он перевёл взгляд на меня. — Ты нашла себе защитника.

Будто я — маленькая девочка, которая прячется за чужими спинами. Будто вся моя независимость, выживание в одиночку — ничего. Пустота.

Я стиснула челюсть так, что заныли зубы.

Лео молчал. Угрожающе смотрел на Марка.

Жар от него усиливался с каждой секундой. Футболка натянулась на спине — мышцы вздулись под тканью. Я видела, как пульсировала вена на его шее. Быстро. Слишком быстро.

Марк тоже это почувствовал. Сделал полшага назад. Инстинкт — тот, который срабатывает у всех млекопитающих в присутствии хищника крупнее.

Но Марк был Марком. Он подавил инстинкт за секунду.

— Интересная компания, Майя. — Голос стал мягче.

Светский тон. — Ты всегда умела выбирать.

Лео по-прежнему молчал. Казалось, он оценивал Марка. Я чувствовала, как вибрирует воздух рядом с ним. Мелкая дрожь, от которой зудела кожа. Он сдерживался. Колоссальным усилием.

Марк сунул руки в карманы. Качнулся на каблуках. Потом — медленно, с расстановкой — перевёл взгляд на Лео. Посмотрел ему в глаза.

Улыбка исчезла.

Лицо Марка изменилось — мгновенно, как будто маску сдёрнули. Мягкость стёрлась. Остался холод.

Он смотрел на Лео, но говорил мне.

— Я, вообще-то, искал не тебя. Забавно, правда? — Марк усмехнулся уголком рта. — Выслеживал волка. И как же я удивился, обнаружив тебя рядом с ним.

Что?.. Каждое слово запутывало сильнее предыдущего.

Я перевела взгляд. Лео стоял неподвижно. Лицо — каменное. Только глаза изменились: радужка потемнела, зрачки расширились до предела. Он смотрел на Марка так, как смотрят на вещь, которую нужно уничтожить.

Марк выдержал этот взгляд. Улыбнулся — краем рта, одними губами.

— До скорой встречи, Майя.

Развернулся. Сел в машину. Дверь хлопнула. Внедорожник тронулся, вырулил со двора и исчез за поворотом.

Тишина.

Молоко медленно вытекало на асфальт белой лужей. Куриные бёдра валялись у бордюра. Ноги дрожали. Руки — тоже.

Лео повернулся ко мне.

Его лицо было спокойным. Но я уже научилась видеть. Жилка на виске. Побелевшие костяшки.

— Собирай вещи, — сказал он. — Мы уходим.

Глава 10

Снова бежать?

Сначала — из родительской квартиры, когда их не стало. Потом — от Марка. Теперь — из каморки, которую я называла домом, потому что других вариантов не осталось.

Я стояла посреди двора, над лужей пролитого молока, и смотрела на Лео.

— Нет.

Он моргнул. Видимо, слышал это слово нечасто.

— Майя.

— Я никуда не пойду. И уж точно не с тобой.

Лео шагнул ближе. Жар окатил мне лицо. Его глаза ещё не вернулись к нормальному цвету — тёмные, почти чёрные, с хищным блеском.

— Он вернётся.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что я не меняю одного мужика, который решает за меня, на другого.

Лео стиснул челюсть. Желваки перекатились под кожей. Он молчал — долго, несколько ударов сердца. Потом разжал кулаки.

— Хорошо. — Голос стал ровным. Нарочито ровным. — Тогда реши сама. Но реши быстро.

Я посмотрела на окна дома. Облупившийся фасад. Бельё на верёвках. Рыжий кот, который прыгнул с капота «Лады» и наблюдал за нами из-под скамейки.

Марк нашёл меня. Три города, сменённый номер, разрыв отношений со всеми, кого я знала — и он стоял в моём дворе, поправлял мне воротник и улыбался.

А ещё он сказал кое-что.

— Откуда ты знаешь Марка?

Лео дёрнул подбородком.

— Я его не знаю.

— Он сказал, что пришёл за тобой.

Пауза.

— Люди говорят всякое.

— Он сказал, что выслеживал тебя. Что нашёл меня случайно. — Я сделала шаг к нему. — Кто ты такой, Лео?

Он посмотрел на меня сверху вниз. В его глазах мелькнуло что-то тяжёлое. Исчезло.

— А ты? — спросил он. — Откуда ты его знаешь?

Я осеклась.

Ловкий ход. Встречный вопрос вместо ответа. Мы стояли друг напротив друга, каждый со своими секретами, и ни один не собирался сдаваться первым.

Ветер швырнул мне в лицо запах бензина и мокрого асфальта. Я поёжилась.

— Бывший, — сказала я. — Я тебе уже говорила.

— Бывший парень, который ездит на бронированном вне-

дорожнике без номеров и выслеживает обор...

Он оборвал себя на полуслове.

Я уставилась на него.

— Выслеживает — кого?

Лео отвёл взгляд. Скулы заострились. Он злился.

— Неважно. Мы теряем время.

— Лео.

Молчание.

Отлично. Парень со стройки, который хранил множество секретов.

Пакет с продуктами лежал на асфальте. Куриные бёдра. Макароны. Сахар. Всё, что я купила на его деньги. Я подобрала пакет. Молоко вытекло, картонная коробка размокла. Остальное — цело.

— Мне нужно десять минут, — бросила я.

Лео кивнул.

Мы поднялись на этаж. Я открыла дверь и вошла в каморку. Остановилась на пороге.

Маленькая коморка. Продавленный диван. Облупившийся подоконник. Штора с дыркой, через которую по утрам бил солнечный луч — единственное, что мне нравилось в этой комнате.

Я достала рюкзак. Бросила на диван.

Паспорт. Полис. Свидетельство о рождении — мятое, с загнутым уголком. Всё лежало в файлике под матрасом. Туда же — зарядка, пара футболок, джинсы. Бельё. Зубная щётка.

Старый ноутбук — тяжёлый, с треснувшим углом корпуса. Единственное, что осталось от прежней жизни, если не считать кошмаров.

Рюкзак наполнялся быстро. Лео следил, как моя жизнь полностью помещается в этом рюкзаке.

Рука потянулась к полке. Учебник анатомии. Тяжёлый, потрёпанный, с загнутыми страницами и жёлтыми стикерами. Восемьсот граммов бесполезного груза.

Я повертела его в руках. Корешок протёрся до картона. На полях третьей главы — мои пометки синей ручкой. Аккуратный почерк отличницы, которая верила, что станет врачом.

Бросить. Оставить. Рюкзак и так забит. Медицинская академия осталась в прошлой жизни, а в этой — случайная работа и постоянный бег.

Но каждый раз, когда я открывала его ночью и перечитывала главу про кровоснабжение — хотя бы абзац, хотя бы полстраницы, — мне казалось, что та Майя ещё жива. Та, которая сдала анатомию на отлично и собиралась на хирургию.

Я сунула учебник в рюкзак. Затянула лямки.

Сентиментальная идиотка.

Закинула рюкзак на плечо. Оглядела комнату в последний раз. Кружка на тумбочке — та самая, из которой Лео пил мой чай. Плед, скомканный на полу. Согнутая ложка в кухонном ящике.

Я закрыла дверь. Ключ с запиской оставила под ковриком — для хозяйки. Нинель Петровна найдёт его и сдаст комнату

в тот же день.

Лео ждал стоял у входной двери, прислонившись плечом к стене. Голова чуть повернута — прислушивался.

— Готова?

Я кивнула на выход.

— Марк уехал. Дорога свободна.

Лео качнул головой.

— Нет.

— Почему?

— Как только мы выйдем, они появятся.

Я прищурилась.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Идём через подвал.

— Интересно, куда? — я усмехнулась. — Лео, я не собираюсь лезть в подвал только потому, что тебе так кажется. К тому же, там только один выход — обратно в подъезд.

Он повернулся ко мне. Наклонился — совсем немного, ровно настолько, чтобы его глаза оказались на уровне моих.

— За углом стоят двое. Третий — у соседнего дома. Машина ждёт на параллельной улице. Мы выйдем через парадную — и через тридцать секунд нас прижмут к стене.

Я открыла рот. Закрыла.

— Ты это... слышишь?

Лео выпрямился.

— Остаётся только подвал. Я знаю путь.

— Ты вчера сказал, что подвал — твоё укрытие. А теперь

он — маршрут эвакуации. Ты точно знаешь, что собираешься делать?

Лео посмотрел на меня.

— Доверься мне.

Довериться.

Последний раз я доверилась мужчине — и потеряла академию, город и два года жизни. Блестящий послужной список.

— Знаешь, — сказала я, перехватывая лямку рюкзака, — если в твоём подвале нет выхода и мы застрянем в темноте с крысами, я лично тебя прикончу. Голыми руками. И мне хватит трёх лет анатомии, чтобы знать куда бить.

Уголок его рта дрогнул.

Лео достал связку ключей и пошёл к лестнице, ведущей вниз.

Я двинулась за ним.

Ключ вошёл в замок с ржавым скрежетом. Дверь подвала открылась, выдохнула запах мокрого камня.

Темнота. Лампочка давно перегорела. Я вытащила телефон, включила фонарик. Луч выхватил низкий потолок, трубы в утеплителе, бетонный пол в трещинах.

Ступени сужались. Воздух холодел. Пахло сыростью и бетонной пылью.

Лео обернулся. Свет фонарика отразился в его глазах — как у животного на ночной дороге.

Мы прошли первое помещение. Второе. Трубы гудели над

головой. Я считала повороты — два направо, один налево. Где-то капала вода.

Лео остановился. Дальний угол, заваленный досками, мешками с цементом, обрезками арматуры. Он присел, сдвинул доски в сторону, отбросил мешок. Под ним — ещё один. Потом фанерный лист.

Под фанерой тускло блеснул металл.

Люк. Вмурованный в бетон, с тяжёлым кольцом вместо ручки.

Я и понятия не имела, что здесь есть люк.

Глава 11

Лео рванул кольцо одной рукой — металл скрежетнул по бетону, и в лицо ударил запах земли. Я заглянула вниз. Фо-нарик телефона выхватил ржавые скобы, вмурованные в стену колодца. Дальше — чернота.

— Ты первая, — сказал Лео.

— Конечно. Леди — вперёд. В яму.

Я перекинула ногу через край. Кроссовка нащупала скобу. Ржавчина крошилась под подошвой. Рюкзак тянул назад, лямки врезались в плечи. Восемьсот граммов анатомии давили на позвоночник — вот и пригодился учебник.

Спустилась на четыре скобы. Пять. Шесть. Стены сузились. Воздух густел с каждым метром — холодный, тяжёлый, с привкусом ржавой воды.

Ноги коснулись пола. Я отступила, посветила вверх. Лео спускался следом. Люк он закрыл за собой — легко, будто крышку чайника. Потом я услышала скрежет: он задвинул засов изнутри.

Наверху хлопнула дверь подвала.

Голоса. Мужские. Двое, может трое. Гулкое эхо разносило звук по бетонным стенам. Кто-то пнул мешок с цементом. Посыпалась пыль.

Лео положил ладонь мне на затылок и мягко пригнул вниз. Я присела. Телефон погас — он накрыл экран рукой.

Темнота стала абсолютной.

Сердце молотило в рёбра. Я дышала ртом, мелко, стараюсь не издать ни звука. Рука Лео лежала на моём затылке — горячая, тяжёлая. Якорь.

Шаги наверху. Ближе. Ближе. Прямо над люком.

Голос. Хриплый, недовольный.

— Пусто. Подвал чистый.

— Проверь дальше.

Шаги удалились. Заскрипели доски. Кто-то ворочал мешки, переставлял ящики.

Лео убрал руку. Наклонился к моему уху. Его губы коснулись волос.

— Иди за мной. Не включай свет.

— Я не вижу в темноте.

— Я вижу. Держись за куртку.

Я вцепилась в ткань на его спине. Лео двинулся вперёд вполне уверенно. Он ловко обходил препятствия, о которых я даже не подозревала. Дважды отвёл меня в сторону, когда увидел трубу на уровне головы, выступ в стене.

Ему не нужен был свет. Вообще.

И это было... странно.

Я считала шаги. Сто двадцать. Двести. Триста. Коридор петлял, потолок то и дело опускался. В какой-то момент мне пришлось пригнуться. Лео — практически согнуться пополам.

На четырёхсотом шаге воздух изменился. Стал свежее.

Пахнуло мокрой листвой и бензином.

Лео остановился. Звякнул металл. Ещё одна дверь — низкая, узкая. Он толкнул её плечом.

Свет ударил в глаза. Тусклый, жёлтый, уличный — но после тоннеля он казался ослепительным. Я зажмурилась. Моргнула. Привыкла.

Мы стояли в бетонном коробе, похожем на техническую нишу. Над головой — решётка, за ней — небо. Серое, пред-рассветное.

Лео подтянулся на руках и выбрался первым. Протянул руку. Я ухватилась. Он вытащил меня наверх так, будто я весила не больше рюкзака.

Пустырь. Заросший бурьяном, заваленный строительным мусором. Вдалеке — железнодорожная насыпь. Рельсы тускло блестели в свете одинокого фонаря.

Я обернулась. Мой дом остался где-то очень далеко, и я даже не знала в какой стороне.

— Откуда ты знал про этот ход?

— Вчера всё прощупал. Когда спустился в подвал.

Надо же. Он обследовал подвал, нашёл тоннель, прошёл его до конца и вернулся, запомнив все детали. Это парень со стройки?

— Ты вообще спишь?

Лео не ответил.

Мы пересекли пустырь и вышли к платформе. Старая, забытая — из тех, что остались от пригородных маршру-

тов, которые давно отменили. Бетонная плита, ржавый навес, расписание за стеклом, покрытым трещинами. Половина букв стёрлась.

— Электричка через семь минут, — сказал Лео, глядя куда-то в темноту за рельсами.

Я не стала спрашивать, откуда он знает расписание лучше стенда. Лимит вопросов на сегодня был исчерпан.

Мы сели на холодную лавку. Я прижала рюкзак к груди. Угол учебника упирался в рёбра. Восемьсот граммов бесполезного груза, который я потащила с собой вместо запасных носков. Три года анатомии, четвёрка по гистологии, похвала профессора Краснова на зачёте. Всё это умещалось между потрёпанными обложками. И вот я сижу на платформе, прижимая к себе учебник, как ребёнок — плюшевого медведя.

Дура.

Но я знала, что если оставлю его — потеряю последний кусок себя. Той Майи, которая ещё верила, что у неё будет нормальная жизнь.

Вдали загудели рельсы. Электричка прогрохотала к платформе. Двери разъехались с усилием. Вагон был пуст. Жёлтый свет, пластиковые сиденья, запах креозота.

Я села у окна. Лео — рядом. Двери закрылись. Вагон дёрнулся и поплыл вперёд.

За стеклом побежали огни — редкие, размытые. Город отступал. Я смотрела, как исчезают многоэтажки, промзоны, мосты. Потом — только темнота и отражение нас двоих в

оконном стекле.

Меня трясло. Противно, до стука зубов. От холода — вагон промёрз насквозь. Сиденье леденило бёдра сквозь джинсы, воздух обжигал ноздри. Я поджала ноги, обхватила себя руками. Зато некогда думать, зачем я вообще здесь.

Лео сидел рядом. От него шёл жар — ровный, густой. Как от печи в деревенском доме. Расстояние между нашими плечами — ладонь. Я чувствовала тепло даже сквозь куртку.

Придвинуться? Ни за что. Я скорее превращусь в ледышку.

Прошло десять минут.

Зубы стучали.

Лео молча сдвинулся ближе. Его плечо коснулось моего. Жар хлынул в промёрзшее тело — мгновенно, как горячий чай.

Вскоре я немного согрелась, и мышцы расслабились против воли.

Веки потяжелели. Электричка мерно покачивалась. Стук колёс складывался в ритм, и ритм утягивал на дно.

Последнее, что я запомнила, — моя щека коснулась его плеча. Пахло бергамотом.

Потом — темнота и безумные сны.

Коридор. Длинный, без дверей. Линолеум под босыми ногами — ледяной, липкий от пролитого чая. Я иду, и стены сужаются с каждым шагом. Обои — знакомые, в мелкий цве-

точек. Съёмная квартира, где мы жили вместе. Только коридор не заканчивается.

За спиной — шаги.

Ровные. Неторопливые. Подошвы мягко касаются пола — шлёп, шлёп, шлёп. Он никогда не бежит. Не повышает голос. Просто идёт следом. Всегда.

Я прибавляю шаг. Коридор изгибается. Стены подаются внутрь — обои вспухают, трескаются. Из трещин сочится запах его туалетной воды.

Дверь. Наконец — дверь. Дёргаю ручку. Открывается.

За ней — тот же коридор.

Шаги ближе.

Я бегу. Босые ступни шлёпают по линолеуму. Дыхание застревает в горле. Ещё дверь — рву, распахиваю. Коридор. Тот же. Те же обои. Тот же запах.

Марк не торопится. Зачем? Все коридоры ведут к нему. Оборачиваюсь.

Он стоит в десяти шагах. Руки в карманах. Улыбается. Той самой улыбкой. На пальце — серебряная печать. В глазах — терпеливая уверенность человека, который знает: добыча устанет раньше.

— Майя. — Голос мягкий. Заботливый. — Хватит бегать.

Отступаю. Спина упирается в стену. Стена прогибается, подаётся, обхватывает лопатки.

Марк делает шаг. Ещё один. Коридор сжимается вокруг него, как воронка. Его лицо заполняет всё пространство.

— Ты же знаешь, — шепчет он. — Я всегда тебя найду.

Пальцы тянутся к моему лицу. Открываю рот — закричать, позвать, хоть что-нибудь — но из горла выкатывается только сип. Воздуха не осталось.

Его ладонь ложится мне на щёку. Тёплая. Ласковая.

И вдруг — жар. Другой. Обжигающий, сухой, от которого кожа зудит. Коридор дрожит. Обои лопаются. Сквозь трещины хлещет свет. Запах туалетной воды Марка захлёбывается в бергамоте.

Марк убирает руку. Улыбка дёргается. Впервые — на одну секунду — в его глазах мелькает замешательство.

Рычание. Низкое. Из-под пола, из стен, отовсюду.

Кулаки разжимаются сами. Воздух возвращается в лёгкие. Рычание обволакивает, как кокон, и я выдыхаю — свободно, полной грудью.

Марк исчезает.

Коридор рушится.

Я проснулась от тишины.

Электричка стояла. За окном — пустая платформа, фонарь, табличка: «Северный Дол». Лео сидел в той же позе. Рука лежала на спинке сиденья за моей спиной.

Я выпрямилась. Потёрла глаза. На щеке остался отпечаток шва от его куртки.

— Сколько я спала?

— Сорок минут.

— Ты мог разбудить.

— Мог.

Двери открылись. Мы вышли.

Станция оказалась дырой. Пристанционный посёлок: десяток домов вдоль грунтовой дороги, закрытый ларёк, покосившийся указатель. Место, где собаки лаяли громче людей.

Лео шёл впереди. Я — за ним, по гравийной дорожке, мимо заборов из горбыля и палисадников, где ничего не росло. Осень выпила из этого места все краски.

Дом стоял на отшибе. За высоким забором, в конце тупиковой улицы. Двухэтажный, деревянный, с просевшей крышей и заколоченными окнами на втором этаже.

Лео достал ключ.

Дверь открылась со скрипом.

Холод. Затхлость. Пыль, которая лежала здесь так давно, что стала частью интерьера. Половицы скрипели под ногами. В углу — чугунная печь, покрытая паутиной. На кухне — раковина с пятнами ржавчины и кран, который, скорее всего, давно забыл, что такое вода.

Лео стоял у двери. Смотрел на меня. Ждал.

Я оглядела пыльные углы. Паутину на потолке. Оконные рамы, разошедшиеся до трещин. В доме было холоднее, чем на улице.

— Здесь можно жить.

Бросила рюкзак на стул. Стул скрипнул, но выдержал.

Лео моргнул. Я поймала его взгляд — короткий, стран-

ный.

Присела перед печью. Открыла дверцу. Внутри — старая зола и обрывок газеты.

— Дрова есть?

— За домом. Под навесом.

— Тогда тащи. Я разберусь с трубой.

Лео смотрел на меня ещё секунду. Потом вышел.

Я провела ладонью по чугунной стенке печи. Холодная. Шершавая. Надёжная.

Справлюсь. Я всегда справляюсь.

Тем временем...

Марк сидел на заднем сиденье внедорожника. В салоне пахло кожей и арабским кофе. На откидном столике — ноутбук. Экран бросал голубоватый отсвет на его лицо.

Запись с камеры на станции. Зернистая, чёрно-белая. Два силуэта на пустой платформе. Девушка с рюкзаком. Рядом — крупный парень в куртке, которая едва на нём держалась.

Марк перемотал назад. Поставил на паузу. Увеличил.

Лицо парня — размытое, но узнаваемое. Широкие скулы. Тяжёлая челюсть. Взгляд, направленный в темноту за кадром.

Марк откинулся на сиденье. Вытянул ноги.

Улыбнулся.

— Странно, — произнёс он, глядя на застывшее изображение. — Пахнешь волком, а ведёшь себя как человек.

Закрыл ноутбук.

В машине стало темно.

Глава 12

Лео принёс дрова. Много дров. Целую поленницу за три ходки. Укладывал их у стены аккуратно, как кирпичи. Молча, сосредоточенно — будто всю жизнь только этим и занимался.

Печь долго не хотела разгораться.

— Ты притащил половину леса.

— Всем живым нужно тепло.

Заслонка заедала. Я подцепила её кочергой, дёрнула. Металл скрежетнул — и сдвинулся. Ржавая пружина лопнула. Я покрутила обломок в руках, прикинула. Нашла в углу кусок проволоки, согнула петлю, закрепила заслонку так, чтобы держалась.

Лео наблюдал. Присел на корточки рядом, заглянул внутрь печи. Потом — на меня.

— Ты что, инженер?

— Когда нет денег, учишься многому. — Я вытерла руки о джинсы. — Бойлер, кран, розетка. В прошлой квартире я меняла сифон. Шедевр сантехники получился.

Уголок его рта дёрнулся.

Я сложила дрова колодцем, сунула под них обрывок газеты, чиркнула спичкой. Пламя лизнуло бумагу, перекинулось на щепу. Затрещало. Потянулся дым — сначала едкий, потом ровный. Тяга пошла.

Маленькая кухня. Пыльная. Тесная. Лео занимал в ней столько же пространства, сколько в моей каморке — весь проход, от стены до стены. Я повернулась за спичками — и задела его плечо. Жар прошёл через ткань мгновенно.

— Извини.

— За что?

За то, что ты горячий, огромный и стоишь слишком близко. Ни одно из этих слов я произносить не собиралась.

— Просто подвинься. — Я присела перед печью.

Лео сделал шаг назад.

Печь разгорелась. Чугун щёлкал, прогреваясь. Комнату затопил запах горячей берёзы — сладковатый, живой. Я протянула к огню замёрзшие руки. Пальцы покалывало.

Лео смотрел. На мои перемазанные сажей ладони, на проволочную заплатку, на огонь. Я поймала его взгляд. Ни насмешки, ни снисхождения. Скорее, внимание.

Я отвернулась.

К вечеру дом ожил.

Печь гудела ровно. Стены впитывали тепло. Я нашла в шкафу старое постельное бельё — пахло лавандой и нафталином, но чистое. Застелила диван внизу. Лео занял кресло у двери. Он врос в него, как в трон, — колени торчали, подлокотники скрипели, но он выглядел так, будто удобнее места на земле не существовало.

Я сидела на диване, скрестив ноги. Учебник анатомии ле-

жал на коленях — раскрытый на главе о кровоснабжении головного мозга. Страницы слегка потрепались. Мои пометки на полях — синяя ручка, аккуратный почерк. Другая жизнь. Другая Майя.

Лео сидел напротив. Огонь бросал рыжие блики на его лицо. Тени ложились на скулы, подчёркивали линию челюсти.
— Скучаешь по учёбе?

Я подняла глаза. Он смотрел на учебник.

— Я хотела стать хирургом. — Пальцы провели по корешку. — Три курса. Анатомия на отлично. Профессор Краснов говорил, что у меня хорошие руки.

Лео молчал. Слушал.

— Потом — Марк. Потом — всё остальное.

Я захлопнула учебник. Положила на колени обложкой вверх. Пора уже смириться.

Лео не стал говорить, что всё наладится. Не стал советовать вернуться. Не стал жалеть.

Кивнула.

Утро выдалось солнечным.

Я проснулась от запаха дыма и холода — печь прогорела за ночь. Лео уже был на ногах. Судя по дровам в топке — давно.

Мы вышли в посёлок.

Магазин оказался единственным: бетонная коробка с вы-

веской «Продукты», крыльцо в три ступеньки, колокольчик на двери.

Внутри — полки с консервами, мешок сахара у кассы, холодильник, который гудел так, будто собирался взлететь. За прилавком — женщина лет шестидесяти. Крупная, с усталыми глазами.

Она подняла взгляд на Лео — и я увидела, как изменилось её лицо.

Страх.

Она тут же спрятала его за улыбкой, но я успела заметить. — Доброе утро, — сказала я.

— Утречко. — Продавщица смотрела на Лео. — Вы к Фёдоровым? Или...

— Проездом, — ответил Лео.

Продавщица кивнула. Слишком поспешно.

Значит, они знакомы?

Я набрала хлеб, тушёнку, чай, сахар, пакет гречки. Лео расплатился. Продавщица пробивала товар, опуская глаза, и руки у неё подрагивали.

У кассы бубнил старый телевизор. Новости. Диктор монотонно перечислял областные события. Потом — сюжет. Лесничество. Человек в форме, микрофон у лица.

«...за последний месяц зафиксировано аномальное поведение диких животных в трёх районах области. Жители посёлков сообщают о вое по ночам, разорённых загонах для скота и крупных следах, которые специалисты затрудняют-

ся идентифицировать. Охотоведы не исключают миграцию волчьей стаи из северных территорий...»

Картинка сменилась: растерзанная овечья загородка, бурые пятна на траве, мужик в телогрейке, который показывал в камеру отпечаток лапы на глине. Огромный. Больше моей ладони.

Я покосилась на Лео сама не знаю зачем. Он стоял у двери, лицо — спокойное. Только пальцы на ручке пакета сжались чуть крепче.

Миграция волчьей стаи. Конечно. Волки мигрируют, коровы пропадают, а мужики на телевидении разводят руками. Всё логично. Абсолютно нормально.

Лео приблизился, взял пакет и мы вышли.

У крыльца висела доска объявлений. Фанера под козырьком, кнопки, бумажки. Объявление о продаже козы. Расписание автобуса. Листовка про выборы.

И — в углу, поверх старой афиши — знак.

Нацарапанный маркером. Грубый, угловатый. Круг. Внутри — перекрещённые линии с засечками на концах.

Я видела этот знак раньше. Только где?

Кожа на затылке стянулась.

— Что это за знак? — спросила я продавщицу, которая вышла покурить.

Она глянула на доску. Побледнела. Сигарета дрогнула между пальцами.

— Охотничий клуб. — Голос стал тусклым. — Местные

ребята балуются.

— Какой клуб?

— Послушай, дочка. — Она затаилась. Выдохнула дым в сторону. — Бери своего... парня. И езжайте. Чем скорее, тем лучше.

Она затушила сигарету о перила и ушла внутрь. Колокольчик звякнул.

Я стояла перед доской объявлений. Знак — грубый, кривой — смотрел на меня, как метка на карте.

И я затылком чувствовала приближение опасности.

Обратно мы шли по грунтовой дороге. Солнце спряталось за облака. Ветер нёс запах прелой листвы.

— Продавщица тебя боялась. — сказала я.

— Люди часто боятся того, чего не понимают.

— Это не ответ.

— Это всё, что я могу сказать.

Подождали к дому. Забор, крыльцо, просевшая крыша.

Лео остановился.

Одна нога на ступеньке, другая — на земле. Плечи окаменели. Голова медленно повернулась влево — к лесу.

Ветер дул оттуда.

Его ноздри дернулись. Зрачки расширились.

— Лео?

Он снова втянул воздух. Медленно. Глубоко. Челюсть сжалась так, что желваки перекатились под кожей.

Тишина. Лес стоял тёмной стеной за забором. Ни птиц, ни ветра в кронах. Ничего.

Слишком ничего.

Лео повернулся ко мне. Глаза потемнели — радужка почти исчезла. В его голосе не осталось ничего от того человека, который ещё недавно складывал дрова у стены.

— Завтра уезжаем в безопасное место.

— Почему?

Он посмотрел в сторону леса. Долго. Потом — на меня.

— Просто чувствую.

Мурашки прошли от затылка до поясницы. Я хотела бы узнать подробности. Но его лицо было таким, что слова застряли в горле.

Лео поднялся на крыльцо. Открыл дверь. Пропустил меня внутрь. Закрыл — и я услышала, как он задвинул засов.

Глава 13

Воздух в доме сгустился. Лео стоял у двери спиной ко мне, ладонь — на дверном косяке. Плечи под тонкой футболкой напряглись, лопатки разошлись. Он прислушивался.

— Ничего себе поездочка вышла, — сказала я. — Печка, свежий воздух, дикая природа. Не хватает только турбазы с аниматорами.

Лео не обернулся. Двинулся к окну. Мимо меня — в сантиметре, не задев. Отодвинул занавеску двумя пальцами, посмотрел во двор. Перешёл к следующему окну. Наклонился к щели в раме, медленно втянул воздух.

Я стояла посреди кухни. Рюкзак у ног, руки в карманах куртки. Пальцы я сжала в кулаки, чтобы не дрожали.

Шутка про поездку вышла плоской. Никто не засмеялся, я в том числе.

Но в каждой шутке, как известно...

Как я вообще сюда попала? Вчера утром варила макароны в своей каморке. Сегодня — в чужом доме на окраине посёлка, где продавщица боится моего спутника, а в лесу кто-то ходит так тихо, что не шелохнётся ни одна ветка.

А ещё этот знак на доске объявлений. Круг с перекрещенными линиями. Я вспомнила, где видела его раньше — на брелке у Марка. Маленький, серебряный, потёртый. Он крутил его в пальцах, когда думал.

И вообще, причём тут Марк?

Желудок сжался.

Лео дошёл до кухни. Опустился на одно колено у печи и сдвинул домотканый коврик. Провёл ладонью по половице. Нашёл ту, что искал. Подцепил кочергой под край.

Доска поддалась с сухим треском.

Под ней — тайник. Пыльный, затянутый паутиной. Лео опустил руку внутрь и вытащил защищённый кейс. Чёрный пластик, армированные углы, резиновые уплотнители. Такой кейс можно уронить с третьего этажа, и ничего не случится.

Строители такие вещи под полом не прячут. Так ведь?

— Лео.

Он щёлкнул замками. Открыл.

Внутри — ноутбук. Тяжёлый, в противоударном корпусе, с клавиатурой, залитой резиной. Рядом — зарядка, свёрнутая в кольцо, и блок питания с проводом, которого я раньше не видела ни у одного строителя.

Лео достал провод. Перевернул в руках.

Тонкая часть кабеля, у самого штекера, была перегрызена. Изоляция висела ошмётками, медные жилки торчали в разные стороны. Точно мыши поработали.

Лео сжал провод в кулаке. Костяшки побелели. Он медленно выдохнул через нос и разжал пальцы.

Я протянула руку.

— Дай сюда.

Он поднял на меня глаза. Радужка у него сейчас была почти чёрной.

— Дай, — повторила я.

Лео разжал ладонь. Провод лёг мне на руку. Тёплый — от его пальцев.

Я открыла рюкзак, достала аптечку. Маленькая коробка с красным крестом. Пластырь, бинты, антисептик, ножницы. Эти вещи всегда со мной.

— Нужен свет.

Лео достал телефон. Включил фонарик. Придвинулся ближе и присел рядом на корточки.

Тепло от его бедра прошло через мою джинсу мгновенно. Я сделала вид, что не заметила.

На кухонный стол я постелила чистое полотенце. Провод — на полотенце. Нож из подставки — самый острый, маленький, для овощей.

Лезвие пошло по изоляции ровно, как когда-то учил отец. Снимала по миллиметру — чтобы не задеть медь. Зачистила концы, скрутила с уцелевшими на другой стороне кабеля. Каждую — отдельно. Каждую — плотно.

Лео молчал. Телефон в его руке не дрогнул ни разу.

Я чувствовала его взгляд на своих руках.

Три года анатомии. Четвёрка по гистологии. Практикум по микрохирургии, где я единственная с потока наложила шов на сосуд диаметром два миллиметра с первой попытки. Профессор Краснов тогда сказал: «Руки, Соколова. Береги

руки».

Теперь эти руки чинили провод от ноутбука в деревянной избе.

Я подняла глаза. Лео смотрел на мои пальцы с удивлением.

— Пластырь, — сказала я. Голос вышел чуть хриплым. Откашлялась. — Подержи.

Оторвала полоску. Намотала поверх скрутки. Вторую — перекрёстно. Третью — сверху, для надёжности. Получилось не красиво, но крепко.

Надавила на пластырь, разгладила.

Пальцы вдруг стали подрагивать.

Не от проводов. От того, что Лео сидел совсем рядом, и от него пахло бергамотом, дымом и чем-то диким, тёплым, живым. От того, что его дыхание касалось моей шеи.

— Готово.

Я встала. Отошла к печи — нужно было увеличить расстояние. Руки нашли кочергу, поправили полено. Искры взметнулись.

Лео воткнул вилку в розетку. Искра. Зарядка пискнула. Индикатор на ноутбуке моргнул оранжевым.

— Работает, — сказал он.

— Я в курсе.

Он усмехнулся.

Лео сел за стол, откинул крышку. Экран вспыхнул чёрным. Окно авторизации — не стандартная заставка, а пустое

поле без подсказок. Он положил пальцы на клавиши. Длинный пароль. Потом второе окно. Отпечаток пальца. Потом третье — какой-то код из приложения на его часах.

Обычный строитель. Конечно.

Я встала у него за плечом. Экран выдал список папок с шифрованными названиями. Лео открыл одну, вторую. Всплыла карта. Наша область. Метки — красные, синие, чёрные. Кластеры по районам.

— Что это? — спросила я.

— База.

— Чья?

Он не ответил. Пальцы летали по клавишам. Открыл строку поиска, набрал несколько символов. На экране появился знак. Тот самый. Круг, перекрёщённые линии с засечками.

Я наклонилась ближе. Волосы упали на плечо Лео. Он повернул голову — короткое движение, на секунду — и снова уставился в экран.

— «Северное братство», — прочитала я. — Региональный филиал. Учредители, поставки, склады.

Экран выдал список. Накладные. Серебро — слитки, дробь, напыление для боеприпасов. Литература под грифом «для внутреннего пользования». Фотографии — оружие, разложенное на столе. Винтовки, ножи, капканы. На одном снимке — клетка. Маленькая, с толстыми прутьями.

Я отвела глаза.

— Лео, что это за люди?

— Охотники.

— Какие ещё охотники?

Пауза.

— Не сейчас, Майя.

— Ты мне это уже говорил. Утром. В поезде. В подвале.

— Я сложила руки на груди. — Когда будет «сейчас»?

Он посмотрел на меня снизу вверх. Тяжело.

— Когда я буду уверен, что ты готова.

— То есть никогда.

— То есть скоро.

Я прикусила щёку изнутри. Он опять уходил от ответа. Я хотела знать всё — и одновременно не хотела. Потому что каждый новый слой его молчания добавлял веса тому, во что я уже ввязалась.

Я не хотела связываться с незаконным. Никогда. Я бежала от Марка именно потому, что его мир — тонированные стёкла, серебряные печатки, люди, которые не задают вопросов — пугал меня сильнее кулаков.

И вот я стояла над ноутбуком со странными списками.

Блестящая стратегия, Майя. Браво.

Лео переключил окно. Открыл защищённый канал — чат, временные метки. Пролистал вниз. Остановился.

Я смотрела, как его глаза бегут по строчкам. Как замирает на одной. Как перечитывает.

Как его лицо меняется.

Желваки заходили под кожей. Жилка на виске забилась

быстрее. Пальцы сжались в кулак, потом разжались. Глаза потемнели до угольной черноты.

Я видела это лицо у хищника в зоопарке однажды. Вольер, решётка, большая кошка. Она просто смотрела. Не рычала, не скалилась. Просто смотрела. И все взрослые люди вокруг молча отошли от ограждения на шаг.

— Лео?

— Координаты этого дома, — сказал он. — Их запрашивали несколько минут назад. По моему каналу. Изнутри.

— Изнутри — это...

— Свои. Но кто?

Лео сидел неподвижно. Руки на столешнице. Плечи — каменные. Потом он глубоко вдохнул, выдохнул. Один раз. И открыл следующую папку.

«Цели региона».

Первый файл — фото. Размытое, со зрачка наружной камеры. Парковка, человек у внедорожника. Сразу не узнала. Потом узнала. Ракурс, разворот плеч, куртка не по размеру. Лео. Я проглотила воздух.

— Они охотятся на тебя. — Да.

Я оторвала взгляд от экрана. Лео смотрел на меня.

— Криминал?

Он не ответил.

— Откуда Марк тебя знает? — я повернулась к нему всем корпусом. — Что вы не поделили?

— Майя.

— Не «Майя»! — ладонь хлопнула по столу. — Отвечай. Кто он? Кто ты? Что я делаю в этом доме?

Лео поймал мою руку. Накрыл своей. Горячая, тяжёлая. Я дёрнулась — он не отпустил. Сжал чуть сильнее. Поднялся и оказался рядом. Я ощутила запах его куртки, тепло. Воздух стал плотнее.

— Послушай.

Я замерла. Его глаза — в десяти сантиметрах от моих. Чёрные, без дна.

— Марк — охотник. Я — его добыча. Так он думает. Ты оказалась между нами случайно.

— Это ничего не объясняет.

— Это объясняет достаточно, чтобы уйти отсюда сейчас.

Я всё-таки выдернула руку. Запястье горело там, где он держал.

— Собирайся, — сказал Лео. — Ждать до завтра не будем. Уходим.

Глава 14

Метель ударила в лицо, едва мы вышли за порог. Первый снег — и сразу такой сильный. Ветер швырял его в глаза, забивал рот. Я пригнула голову, поправила лямки рюкзака.

— Серьёзно? — крикнула я сквозь вой. — Ещё октябрь не закончился!

Лео шёл на полшага впереди, оглянулся.

— В этих краях всё бывает.

Тропы не было. Только деревья, бурелом, сугробы по колено. Я проваливалась, выдёргивала ногу, проваливалась снова. Рюкзак тянул назад. Восемьсот граммов анатомии впивались в поясницу.

Стоило об этом подумать, как Лео забрал рюкзак.

Но через пять минут я перестала чувствовать пальцы. Через десять — лицо. Дышать стало больно: холод обжигал горло. Ветер находил каждую дырку в лёгкой куртке; залетал в рукава, за воротник, под шапку. Снег забивался в кроссовки — почему я не купила сапоги, когда были деньги? — и таял, оставляя ноги мокрыми и ледяными.

Лео повернулся, посмотрел на меня.

— Держись.

Он снял с себя куртку и надел её на меня. Сам остался в одном свитере. Затем подхватил под локоть. Я попыталась дёрнуться — чисто из принципа.

— Я сама.

— Конечно сама.

Его рука легла мне на талию. Стало немного проще. Он вёл меня так, будто мы танцевали, а не продирались сквозь метель.

— Долго ещё? — выдохнула я.

— Близко.

— Ты это говорил десять минут назад.

— Ещё ближе.

Я бы усмехнулась, если бы не замёрзли губы. Они стали деревянными и не слушались.

Мы продирались через ельник. Нижние ветки хлестали по куртке, роняли шапки снега за воротник, и холод щипал шею. Я жмурилась — от очередных ударов, от летящей крупы. Открывала глаза. Снова жмурилась. Лес давно потерял очертания, сливался в белую кашу.

В какой-то момент я перестала считать шаги. Просто переставляла ноги, всё больше увязая в сугробах. Лео был якорем — горячим, надёжным, пахнущим бергамотом и хвоей. Я шла за запахом, как слепая.

— Стой.

Я врезалась носом в его плечо. Проморгалась.

Между двумя огромными елями чернел навес. Низкий, покрытый лапником, замаскированный под бурелом. Сверху на нём лежал снег и сухие ветки, слой прелой листвы. Если бы Лео не остановился, я прошла бы мимо в двух метрах и про-

сто не заметила.

Под навесом, уткнувшись рулём в еловую стену, стоял снегоход. Но рядом, чуть глубже, под тем же лапником при- тулилась машина — новенький внедорожник. А дальше, за стволами, просёлочная дорога. Её почти не было видно под свежим слоем, но угадывались две колеи, уходящие в серую мглу.

Чёрный внедорожник. Матовое покрытие, тонированные стёкла, массивные колёса с грязевой резиной. Из тех машин, от которых люди инстинктивно отходят на шаг.

Я уставилась на него. Потом — на Лео. Потом — снова на машину.

— Мы что... угоним его?

Лео достал из кармана ключ. Нажал кнопку. Фары моргнули, замки щёлкнули — резко и деловито.

— Он мой. Садись.

Я открыла рот. Закрыла. Села.

Дверь захлопнулась. Мотор завёлся с пол-оборота — низкий, ровный гул, от которого чуть задрожал подлокотник. Включился дисплей.

Кожанный салон обнял меня теплом, которого я не чувствовала уже час. Лео щёлкнул кнопку подогрева сидений, и по спине поползло блаженство — тягучее, как первый глоток горячего чая. Я молча стянула перчатки. Пальцы саднили.

Я прикрыла глаза на секунду.

Строитель.

Конечно.

Лео сел за руль, пристегнулся. Вывел машину из-под навеса. Колёса мягко прошуршали по свежему снегу, и внедорожник неспешно покатил по просёлочной дороге.

Я смотрела на профиль Лео. На линию челюсти, подсвеченную тусклым зелёным светом приборов. На руку, лежащую на руле — уверенно, почти небрежно.

— Парни со стройки, — произнесла я, — обычно ездят на «Ладе».

— Бывают исключения.

— Бывают. Вижу.

Я откинулась на подголовник. Под кожей всё ещё гулял озноб, но салон постепенно вытягивал холод из тела. Закрала глаза.

Спросить прямо сейчас — или подождать, пока оттают губы?

Подождать. Так у меня будет время сформулировать.

Машина остановилась примерно через час.

Я открыла глаза. За окном — плотная стена елей, а между ними проглядывала крыша. Бревенчатый сруб, низкий, с узкими окнами. Добротный. Настоящий дом, в котором можно пересидеть зиму.

Лео заглушил мотор.

— Выходим.

Дверь открылась, и воздух ударил холодом. Ноги просели

в снег по щиколотку. Я пошла за Лео по тропе, которая едва угадывалась под свежим слоем: значит, здесь хожено, и не раз.

Он открыл дверь, пропуская меня вперёд, и сразу захлопнул за нами. Внутри — промозгло. Темно. Пахло деревом и золой.

Лео щёлкнул выключателем. Лампа над столом загорелась — ровным жёлтым светом. Электричество. В лесу. Интересно.

Я огляделась. Комната в одно пространство. Печь в углу — железная, массивная, с варочной поверхностью. Узкая кровать у стены. Стол. Два стула. Полка с книгами в жёстких переплётах, без названий на корешках. Оружейный шкаф — пустой, с открытой дверцей.

Лео прошёл к центру комнаты. Отбросил половик ногой. Наклонился, подцепил что-то пальцами.

Тяжёлый деревянный люк откинулся с глухим стуком.

Я стояла на пороге и смотрела.

Адреналин, который держал меня последние сутки, начал падать. Руки задрожали. Ноги — тоже. Горло сжалось от всего сразу — от холода, метели, внедорожника, люка в полу чужого дома. Лампа над столом ровно гудела, но в комнате стало как будто темнее.

— Чей это дом? — бросила я.

Лео обернулся.

— Майя...

— Чей дом, Лео?

Он выпрямился.

— Мой.

— Твой?

— Да.

Я засмеялась — отрывисто, зло, сама не ожидая такого звука.

— Замечательно. А таких домов у тебя сколько?

— Майя, говори тише.

— Зачем? — Я сделала шаг вперёд. Половица скрипнула.

— Кто меня услышит? Твои друзья бандиты, которые запрашивали координаты?

Лео молчал. Только пальцы сжались в кулаки.

— Что внизу?

— Запас.

— Запас чего?

— Всего, что может понадобиться.

— Уточни.

— Майя.

— Не «Майя»! — Голос сорвался. Я прокашлялась и попыталась отдышаться. — Ты меня вытащил из города. Посадил в электричку. Привёз в дыру, где продавщица тебя боится. Из дыры притащил в другую дыру — ещё более странную. Я имею право знать, куда я пришла и зачем.

— Имеешь.

— Тогда говори.

Лео смотрел на меня через комнату. Пальцы сжимались в кулаки и разжимались. Под левой скулой чуть дёргался мускул.

— Сядь.

— Постою.

— Майя.

— Какое отношение ты имеешь к Марку? Почему он тебя ищет? Что за «Северное братство»? Почему продавщица побледнела, когда ты вошёл? Что ты за строитель, который... Да сколько я буду всё это повторять?

Он двинулся.

Одно движение — смазанное, стремительное. Я не поняла, как он оказался рядом. Тяжесть и тишина одновременно.

Я ударилась спиной о бревенчатую стену.

Замерла.

Лео стоял вплотную. Руки по обе стороны от моих плеч, ладони впечатаны в брёвна. Между нами — полоска воздуха. Этой полоски мне не хватало.

Он пах бергамотом.

Я запрокинула голову, посмотрела в его лицо. Радужка потемнела до черноты. Зрачки расширились так, что свет в них пропал.

— Послушай меня. — Тихо. Низко. Голос шёл откуда-то изнутри, из груди, и отдавался у меня под рёбрами. Колени стали ватными. — Я отвечу. На всё. Но сейчас — тише. Пожалуйста.

— Почему тише? — Мой голос сел, превратился в хрип.

— Потому что нас могут слышать.

Он скользнул взглядом по моему лицу. Задержался на губах.

Я сглотнула. В горле пересохло.

— Лео.

— Майя.

— Отойди.

— Сейчас.

Он не отошёл.

Одна ладонь сорвалась со стены. Легла мне на щёку. Горячая. Шершавая. Большой палец прошёл по скуле. От этого движения у меня затуманилось зрение. Лампа расплылась в жёлтое пятно.

Он наклонился.

Я прикрыла глаза — не смогла выдержать его взгляд, слишком близко, слишком много. В ушах стучало глухо и часто.

Ещё ближе. Его дыхание коснулось губ.

Я ждала. Всё во мне ждало.

Он замер.

Сквозь пелену, сквозь оглушительный стук в висках, снаружи — я слышала странный звук.

Низкий и нечеловеческий.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.